

ЛУЧШИЙ ОТЕЦ И ЛУЧШИЙ ДРУГ

© 2017 г. **А.Г. Арбатов***

Статья поступила в редакцию 20.04.2017.

Наверное, писать о Георгии Аркадьевиче Арбатове – основателе и первом директоре ИСКРАН – мне труднее всех именно потому, что он мой отец. Вполне понятно, что я не могу быть объективным в своих воспоминаниях и оценках. Естественно, для многих собственный отец – самый лучший. Но, глядя вокруг, я не вижу примеров таких близких отношений отцов и детей, какие были у нас.

Наши судьбы были неразрывно связаны, можно сказать, это была единая судьба. И речь идёт не только о личной жизни, которая объединила нас со дня моего рождения. Мы были не просто ближайшими родственниками, но и верными друзьями, а в течение нескольких десятилетий – профессиональными коллегами и политическими соратниками. Я желаю каждому иметь такие отношения с отцом, какие были у меня.

К тому же он был невероятно многогранной натурой, и все стороны его жизни и деятельности просто невозможно раскрыть в одной статье. Поэтому о его политической роли и научных достижениях, о его качествах создателя Института, начальника, коллеги и товарища, наверное, лучше предоставить слово другим. По той же причине я не вспоминаю в этой статье многих коллег отца по Институту США и Канады, которые сыграли большую роль в его жизни, а некоторые стали и моими друзьями. Я очень благодарен им за память об отце и надеюсь, что они простят меня за это упущение.

Мои воспоминания – это не всеобъемлющая биографическая повесть, а лишь несколько штрихов к портрету очень близкого мне человека, так сказать, с семейного угла зрения. А в некотором смысле это и ретроспектива моей собственной жизни, неразрывно связанной с ним до последнего мгновения его пребывания на этом свете.

Заветы по умолчанию

Нам с отцом очень повезло. Он прожил большую и относительно долгую жизнь (умер на 88-м году) и на протяжении большей её части (а точнее – 59 лет) мы были вместе, даже находясь на большом расстоянии по служебным делам. Несомненно, он больше всех повлиял на мой характер, взгляды и ценности, хотя никогда не делал это напрямую. Может быть, он даже и не ставил

* АРБАТОВ Алексей Георгиевич – доктор исторических наук, академик РАН, руководитель Центра проблем международной безопасности ИМЭМО Российской академии наук. Российская Федерация, 117997 Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

перед собой такой задачи, а просто жил, работал и строил отношения с другими людьми, организациями и государствами и тем самым ненамеренно подавал мне пример.

Это, конечно, не значит, что я стал его копией. Мы были очень разными по характеру, привычкам и, разумеется, по жизненному опыту, политической и научной роли в своей стране и за рубежом, иногда расходились во мнениях и нередко спорили. Не вдаваясь в подробности и ничуть не кокетничая, могу только с уверенностью сказать, что в целом он был гораздо лучше и выше меня – и как человек, и как профессионал.

Подчас он давал важные советы, которым я не следовал. Так, какое-то время он периодически советовал мне попробовать себя на поприще журналистики, чтобы выработать хороший писательский стиль (он сам имел такой опыт в нескольких больших журналах). Но я отнекивался: мол, внятно излагать свои мысли можно научиться факультативно, а вот чтобы эти мысли были – надо много знать, чему мешает склонность быстро и увлекательно их “освещать”. Кстати, я знаю не много людей, которые сумели совместить журналистские и научные способности, и отец – один из них. Впрочем, он был прав, когда говорил, что глубоко изучить и объяснить сложную проблему – это первый уровень профессионализма, но высший класс – это уметь понятно донести ее смысл до тех, кто не является специалистом. А низший уровень – научнообразно изложить тему, чтобы никто ничего не понял, но проникся уважением к тем, кому доступны “высшие материи”.

Наверное, главный принцип, который он в меня вкладывал с детства, причём не прямо, а косвенно – в ходе разговоров, оценки других людей и событий – состоит в том, что человек ценится не тем, кто его родители и каков его должностной и имущественный статус, а тем, что он сам из себя представляет. Хорошо, когда родители поддерживают, но каждый должен сам доказать свою ценность в профессиональном и человеческом отношениях. Отец, конечно, очень мне помогал, гордился моими успехами и огорчался неудачам, но всегда исходил из того, что я сам должен доказать, чего я стою. Так же нужно относиться к другим: не по социальному происхождению, национальности или месту рождения и жительства, а исключительно по личным достоинствам.

Сколько я его помню, отец всегда был перегружен делами, и я понял, что, для того чтобы чего-то добиться в жизни, нужно очень много работать и лучше всего – последовательно. В этом смысле мне повезло. У меня всю жизнь, в основном, был один и тот же жанр – научные исследования в сфере международной безопасности, гонки вооружений и их ограничения. После МГИМО я пошел в аспирантуру в ИМЭМО и практически всю жизнь работаю там (с перерывом на 10 лет, когда был депутатом Государственной Думы в 1994–2003 гг.). Своей теме я посвятил почти полвека: от первых курсовых работ и до избрания академиком Общим собранием Академии наук в 2011 г. по тематике “Международная безопасность и стратегическая стабильность”. Когда огласили итоги голосования, моя первая мысль была: “Как жаль, что отец всего года не дожил до этого, вот бы он гордился...” И дома, отмечая это событие, первый тост подняли за него.

Ещё своим примером он учил меня выстраивать общественную линию жизни: не лезть на рожон, но хранить верность своим политическим, профессиональным и нравственным принципам, а в критических ситуациях не прогибаться, невзирая на риск и ущерб. Он не раз говорил, что репутация – это самое важное в научной и политической биографии, ее приходится строить всю жизнь, но можно потерять за один день. Я бесконечно дорожу уважением своих коллег и друзей и принимаю как должное враждебность профессиональных и политических противников – всё это мой главный профессиональный капитал, который я копил всю жизнь, как и отец.

Политика

Если говорить о политических воззрениях, то в советские времена Георгий Аркадьевич не был диссидентом, хотя с уважением относился к мужеству тех, кто открыто бросал вызов системе. Но сам он был "Человек Системы", и именно так называлось зарубежное издание одной из самых известных его книг. Он стремился использовать сложившиеся правила игры, чтобы изнутри сделать эту систему лучше, чтобы реально, а не на словах, повернуть её к нуждам людей и цивилизованным нравственным и политическим нормам.

При этом со временем взгляды отца претерпевали постепенную и болезненную трансформацию. Он начинал свою взрослую жизнь как искренний коммунист (в партию вступил на фронте). Однако то, чему он ещё раньше стал свидетелем как школьник в 1937 и в другие страшные годы, арест и тюремное заключение его отца, увиденное им на войне, подлые и жестокие массовые репрессии после Победы – всё это посеяло в его душе первые глубокие сомнения в совместимости коммунистической идеологии и практики с человеческой моралью.

Первое разрешение этих противоречий дал XX Съезд КПСС 1956 г. Идея состояла в том, что Ленин начал всё правильно, но Сталин отошел от верного курса и извратил теорию и практику истинного марксизма. Георгий Аркадьевич всей душой и профессиональной деятельностью влился в ряды "шестидесятников", т.е. коммунистов-идеалистов, отстаивавших то, что потом Михаил Горбачёв назовет "социализмом с человеческим лицом".

Отец, поднимаясь всё выше по научной и политической лестнице, верил, что коммунизм в своём практическом воплощении не должен преступать общечеловеческие нравственные нормы и что такое разграничение можно превратить в жизнь. (Недаром Ю.В. Андропов, с которым он долго был очень близок, как-то сказал: "Юра Арбатов, конечно, коммунист, но всё-таки не большевик". Этой оговоркой он как бы заочно пожурил отца, но на деле, сам того не ведая, сделал ему изрядный политический комплимент.)

Тяжёлый удар по философии Арбатова нанесло подавление Пражской весны 1968 г., а окончательно её добило вторжение СССР в Афганистан десятилетие спустя. Коммунистические идеалы оказались фиговым листком для прикрытия откровенно империалистической политики подавления свободы в подчинённых странах и осуществления геополитической и военной экспансии вовне. В конечном итоге этот курс подорвал силы советской империи и привёл

её к развалу, как до неё царскую Россию и десятки других империй на протяжении известных нам тысяч лет.

Под воздействием своего политического опыта и растущих контактов и знаний об окружающем мире Георгий Аркадьевич проникся сначала идеологией еврокоммунизма, а потом стал 100%-ным социал-демократом. После провала путча 1991 г. он как убежденный социал-демократ, перешёл в жёсткую оппозицию разрушительным реформам Б.Е. Ельцина. По поводу их огромных экономических и политических издержек он с сарказмом говорил: "Надо же, дожили – коммунисты говорят правду!"

Так же тяжело отец переживал распад СССР, хотя не думал, что это была, как сказал известный государственный лидер, "величайшая геополитическая трагедия XX века" – особенно, по сравнению с двумя мировыми войнами, революцией и гражданской войной в России, жертвами сталинизма и фашизма, потерями и кризисами "холодной войны". К тому же Георгию Аркадьевичу было очевидно, что советская идеология, политико-экономическое устройство и имперская система себя изжили и были исторически обречены. Но он считал, что если бы не путч и если бы вокруг Ельцина были другие люди, то децентрализацию унитарного государства и экономические реформы можно было бы провести гораздо более продуманно, поэтапно и с меньшими потерями для народа. Их последствия в виде мощной волны идейно-политической реакции мы расхлёбываем в настоящее время.

Контакты с властью

Отношения Георгия Аркадьевича с начальством, когда он поднялся близко к уровню государственных руководителей, складывались не гладко. С каждым из них эти отношения прошли один и тот же цикл. Он выдвигал прогрессивные мысли и говорил правду об окружающей действительности в понятной для власти форме, т.е. предлагая новаторские, по сути ревизионистские интерпретации марксистско-ленинской идеологии и до предела раздвигая рамки принятого политического курса.

Начиная с Л.И. Брежнева и заканчивая Б.Н. Ельциным, в первое время лидеры активно привлекали отца в качестве советника, а подчас и посланника по особым поручениям, когда этого требовала международная обстановка. Приходя к власти, каждый лидер был заинтересован в более или менее трезвой оценке внутренней и внешней обстановки и нетривиальных предложениях по расчистке завалов, доставшихся ему от предшественника. На этот счёт у отца всегда имелись продуманные идеи, выношенные им самим и вместе с соратниками.

Но спустя несколько лет, по мере накопления ошибок и издержек политики очередного лидера, тому становилось неприятно получать критические оценки теперь уже своих собственных решений. К тому же, в условиях авторитарной системы власти руководитель неизбежно обрастал угодливыми царедворцами, которые делали свою карьеру на подхалимаже и тем самым внушали лидеру представление о его собственных выдающихся способностях и достижениях, постепенно изолируя его от несогласных, объявляя последних

врагами и погружая начальство в виртуальный мир альтернативный реальности. Тогда Арбатов становился не ко двору, и его отстраняли – иногда тихой сапой (при Брежневe, Ельцине), а то и с резкой отповедью (при Андропове).

Когда такой момент подходит, перед прогрессивными советниками лидера встаёт судьбоносная дилемма: гнуть свою линию с риском попасть в опалу или смолчать и приспособиться, сохранив статус и привилегии близости к олимпу. Мой отец раз за разом при всех руководителях выбирал первое и попадал в немилость. Многие его коллеги, друзья и ученики выбирали второе, оправдывая себя тем, что, сохранив своё положение, они будут иметь возможность и дальше оказывать на власть позитивное влияние. Но это зачастую было самообманом, как говорится: коготок увяз – всей птичке пропасть. После перехода определённой черты в таких отношениях цели и средства быстро меняются местами. Близость к власти становится самоцелью, а взаимодействие с ней – средством, и тогда возможность позитивного влияния неуклонно сходит на нет.

Правило отношений с великими мира сего, которое оставил мне в наследство отец, состоит в том, что если начальство проявляет интерес к твоим знаниям и предложениям – отказываться ни в коем случае нельзя. Как бы негативно ни относиться к политике руководства, надо использовать любую возможность, чтобы сделать её лучше. Но если твои идеи не нужны, никогда не следует напрашиваться со своими услугами и, тем более, приспосабливаться к порочному курсу ради того, чтобы тебя снова поманили пальцем. Кто так делает, тот теряет достоинство и разрушает репутацию, его не уважают ни бывшие коллеги и друзья, ни власть, даже если она и жалуется показными почестями. Он не способен принести пользы и перечеркивает даже прежние свои заслуги, если таковые имели место.

Больше всего отец ненавидел не тех, кто изначально были его политическими врагами – убежденными сталинистами, националистами или милитаристами. Он сильнее всего презирал как маститых, так и молодых перевёртышей, которые при Горбачеве были сподвижниками перестройки, гласности и "нового политического мышления". При Ельцине они стали суперлибералами и ударниками "великой стройки капитализма" по рецептам Запада (недостатки и пороки которого отец знал не понаслышке). А при Путине в одночасье сделались воинствующими державниками, радетелями традиционных скреп (типа "самодержавие-православие-народность" заодно с крепостным правом), а также адептами надуманной философии особого "евразийского пути" России (который отец объяснял просто: новая номенклатура хочет жить как в Европе, а править как в Азии).

Когда президентом был избран В.В. Путин, отец уже фактически отошёл от дел, был почетным директором ИСКРАН и не принимал активного участия в политике, чего и здоровье не позволяло. В ином случае, вероятнее всего, повторился бы обычный цикл. Не исключая, что нынешний этап внутренней и внешней политики России, включая украинские события, новую холодную войну и гонку вооружений, взрыв идеологического мракобесия и разгром Академии наук, привели бы к самому острому конфликту отношений Арбатова с властью за всю их историю с конца 1950-х годов. И хотя прямого взаимодей-

ствия с начальством у него в последние годы жизни не было, подспудно политическая отчуждённость и недоверие, видимо, присутствовали.

Прямой контакт с высшим руководством произошёл лишь однажды, когда в 2003 г. по случаю 80-летия ему был вручён орден "За заслуги перед отечеством" III степени. Отец тогда шутил: "То ли мои заслуги третьей степени, то ли отечество?" Он с 18-ти лет ушёл на фронт и всю жизнь посвятил безопасности и процветанию своей Родины, сыграл немалую роль в прекращении холодной войны и гонки вооружений. Но всегда с юмором относился к проявлениям ярмарки тщеславия и говорил, что о заслугах человека судят не по государственным наградам, а по его делам.

Если бы отец дожил до нашего времени, то, наверное, посмеялся бы и по поводу того, что популярный телеведущий КВН Александр Масляков обогнал его на одну степень по сумме заслуг перед отечеством (к 70-летию тот получил аналогичный орден II степени). В конце концов, это тоже отражает систему ценностей и государственные приоритеты нашего времени. Впрочем, из восьми своих орденов отец больше всего дорожил одним: орденом Красной звезды, который артиллерийским капитаном получил в 1943 году.

Война

Значение войны в жизни Георгия Аркадьевича было поистине огромным. Фронтовой опыт наложил отпечаток на всю его последующую жизнь. Он рано повзрослел и был не по годам мудр и опытен, имел уверенность в себе, не страдал ни от каких комплексов (в отличие от некоторых ровесников, оставшихся в тылу), умел руководить людьми, завоевывать авторитет у подчинённых и строить разумные отношения с командирами, жизненные невзгоды воспринимал в адекватном масштабе, соразмерном пережитому на фронте.

Как и все фронтовики, хлебнувшие горя на переднем крае, он никогда сам не рассказывал о войне. Конечно, мальчишкой я нередко приставал к нему с просьбами поделиться героическими воспоминаниями, но он всегда отнекивался. Причины такого отношения я понял много позже, когда сам в качестве заместителя председателя Комитета Госдумы по обороне стал выезжать в "горячие точки".

За 16 командировок и мне пришлось кое-что испытать: ездил на броне по заминированным дорогам и летал через горные ущелья на вертушках, видел разрушенные города и разорванные трупы людей, выносил на руках из нашего сбитого вертолёта смертельно раненного командира, возвращался в Москву на транспортных самолётах, заполненных искалеченными на всю жизнь мальчишками-солдатами и "грузом 200" в пластиковых мешках. Однажды на Кавказе получил осколочное ранение, к счастью, лёгкое, но рана инфицировалась, и лечение затянулось.

Но, со всей определённойостью должен оговориться: мой эпизодический военный опыт абсолютно несопоставим с тем, что пережили служившие в "горячих точках", и, тем более, с тем, что выпало на долю отца и других ветеранов за долгие фронтовые годы. И конечно, Вторая мировая война – самая страшная всемирная бойня в истории человечества – была совершенно другой, не-

жели конфликты в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Таджикистане или Косово, очевидцем которых мне довелось стать.

Я увидел лишь крошечные фрагменты войны, но и их было достаточно, чтобы убедиться: никакой романтики на войне нет и наверняка никогда не было. Смерть на войне не бывает красивой и благородной – она всегда бессмысленна, внезапна и безобразна, а обыденность соседствует с трагедией. На свете не бывает ничего страшнее войны, но рассказывать об этом у меня нет ни умения, ни желания. Так же к этому относился отец и многие другие люди, пережившие неизмеримо больше моего.

Сейчас нередко приходится видеть по телевидению или на разных конференциях борзых журналистов и псевдоэкспертов, ни разу в жизни не слышавших боевого выстрела, но в патриотическом кураже грозящих за границе военной силой и даже ядерным оружием. Я бы дорого дал, чтобы ткнуть этих "храбрецов" носом в грязь, вонь и кровь не воображаемой, а реальной войны, ибо в этом её истинное лицо. Отец таким же образом относился к подобным паркетным воякам и не стеснял себя в использовании по их адресу ненормативной лексики.

Но та большая война оставалась с ним в мыслях до самого конца. После инсульта и незадолго до смерти, когда большую часть дня он проводил в постели и часто дремал, я спросил его, что ему снится. Он ответил: "Первый и последний залпы моих "катюш". Первый – под Москвой на Волоколамском шоссе в ноябре 1941-го, а последний – на Днепре под Черкассами в ноябре 1943 года".

Между этими двумя эпизодами два года войны. Но подробнее об этом времени я узнал лишь под конец его жизни, когда помогал ему работать над книгой "Детство. Отрочество. Война". После окончания школы Юра (так его всегда звали в семье) подал документы в артиллерийское училище, а на следующий день после зачисления началась война. Ускоренные офицерские курсы, участие в легендарном параде на Красной площади 7 ноября 1941 г., выдвижение дивизиона на передовой рубеж обороны Москвы. (К слову сказать, десятилетия спустя, когда мы ездили на дачу в Опалиху, отец показывал мне, где передний край пересекал Волоколамское шоссе: там стояла полуразрушенная церковная колокольня, на которой был их наблюдательный пункт и которую немецкая артиллерия пыталась снести, но не смогла.) А потом, после завершения боевой подготовки в Миассе – эшелон под бомбежками на Калининский фронт и служба в качестве командира батареи реактивной артиллерии. Там ему нередко приходилось корректировать залпы своих "катюш", находясь в боевых порядках пехоты, а подчас и впереди них, и там же он получил ранение. После он воевал в составе Степного фронта на Курской дуге, освобождал левобережную Украину и трижды форсировал Днепр в ходе подготовки к освобождению Киева.

При переправах через осенние реки получил воспаление лёгких, которое перешло в туберкулёз. Был комиссован вчистую и, как бесчисленное множество таких же молодых офицеров и солдат, отправлен в тыл – умирать. Затем медсанбаты, санитарные поезда и долгое лечение в госпитале, где он выжил благодаря чудесному везению и заботе врача – матери его одноклассника, ко-

торый тоже был на фронте. А потом семья выхаживала его как могла, отрывая от себя лучшее в голодное военное время.

Семья

Сказать о Георгии Аркадьевиче, что он был хороший семьянин, это значит ничего не сказать. Семья для него была тем, что называется святая святых, хотя он всю жизнь был с головой погружён в работу и имел очень мало свободного времени.

Его отец, Аркадий Михайлович, много пережил и умер очень рано – в 54 года (в 1954 г.), и моему отцу пришлось в 30 лет стать главой семьи. Он нежно любил и почитал своего отца, человека доброго и мягкого, и просто-таки боготворил мать – Анну Васильевну, волевою и властную женщину, о которой трогательно заботился до самого её конца. К младшему брату, Саше, он относился как к сыну, тем более что разница в возрасте была большая (15 лет). Отец опекал брата и помогал до тех пор, пока тот не встал на ноги, обзавёлся своей семьёй и домом, завоевал в стране и за рубежом репутацию крупного ученого в области рационального использования природных ресурсов. Прискорбно и несправедливо, что он умер, прожив на 17 лет меньше старшего брата.

Другая главная женщина в жизни отца – его жена и моя мать, Светлана Павловна. Он любил её беззаветно, баловал, как только мог, был невероятно великодушен, прощал все капризы и первым мирился после размолвок. Он вообще не переносил в семье никаких ссор и всегда брал на себя инициативу, чтобы их уладить – даже со мной, мальчишкой. Он был настолько сильным и уверенным в себе человеком, что никогда не боялся показаться мягкотелым или слабовольным.

Пожалуй, самое замечательное для нашей семьи время пришлось на его командировку в Чехословакию в начале 1960-х годов. В Москве мы ещё жили очень бедно, незадолго до отъезда в Прагу переехали в первую маленькую отдельную квартиру, покинув большой коммунальный "клоповник" с одной кухней и одним санузелом на всех (13 семей – 34 человека). Конечно, сама Чехословакия, Прага, большая квартира в буржуазном доме на красивой площади, хорошие условия жизни, дружная компания сослуживцев по журналу "Проблемы мира и социализма" показали нам настоящим раем.

Мы много гуляли по прекрасной Праге, часто ездили по стране, проводили много времени вместе. Тогда отец мог посвятить изрядное время моему просвещению и культурному воспитанию, что делал с удовольствием и искренним интересом. Впоследствии мама нередко говорила, что это были самые счастливые годы её жизни. Она и сама была в то время в расцвете своей необыкновенной красоты – настолько, что моя жена и сейчас носит в паспорте фотографию Светланы Павловны тех лет.

Уже взрослым я стал регулярно приезжать в Прагу с женой, иногда с нашей дочерью или с друзьями, и там в моей памяти всплывают чудесные ощущения, эпизоды и запахи детства. Мы всегда приходим навестить дом и двор, где прошли три года необычайного счастья нашей семьи.

Для отца было главным, чтобы в семье царил мир, чтобы все были здоровы и довольны, и он делал для этого всё возможное, заботясь обо всех родственниках – далеких и близких. Особенно он любил мамину сестру, известного скульптора, Галину Чечулину и ее семью. Мы с ней и сейчас поддерживаем самый тёплый родственный контакт.

После моей женитьбы это отношение каким-то естественным образом (что бывает не у всех) распространилось на мою жену Надю, к которой он стал относиться абсолютно как к родной дочери, помогал ей и гордился её успехами. Такие же отношения сложились у моих родителей с ее родителями, замечательными людьми – Маргаритой Александровной и Константином Кузьмичом. Как выяснилось, с моим тестем (ныне, к сожалению, покойным) отец воевал на одном фронте – на Курской дуге, но они, конечно, там не встретились, в ту страшную мясорубку были вовлечены миллионы людей. В это трудно поверить, но за 30 с лишним лет общения между нашими родителями, а также между моей матерью и женой не произошло ни одной ссоры.

О нашей дочери Кате, его внучке, разговор особый. Он вынес её младенцем на руках из родильного дома, смотрел ей в глаза и якобы чувствовал, что она хотела сказать ему что-то самое сокровенное, известное лишь новорожденным, а потом забываемое. Во всяком случае, это было одним из его любимых рассказов. Отец не просто любил её – он её обожал. Многие американские коллеги позже со смехом и умилением рассказывали мне, что долгое время после её рождения, приезжая в командировки, после бесед о сложных политических делах он неизменно начинал рассказывать про свою маленькую внучку и всегда завершал словами: "А Катя – само совершенство (*and Katia is perfect*)".

Когда она немного подросла, он все свободное время с наслаждением с ней проводил: учил ее различать и собирать грибы, ловить рыбу, брал во многие путешествия за рубеж и по стране, рассказывал про природу, которую знал и любил (в том числе, лягушек и всяких жуков и червяков). Приезжая из-за границы он заваливал её подарками, а потом забывал о них и попрекал за броские наряды, и тогда Катя ему с удовольствием напоминала об их происхождении. Ему никогда не было с Катей скучно, они с моей мамой ревновали её друг к другу и соперничали за её внимание, а она, конечно, по-детски этим пользовалась. Мы с женой старались умерить этот поток обожания, чтобы не избаловать ребенка, и на такой почве у нас случались разногласия со старшим поколением.

Потом Катя выросла, и отец принимал самое живое участие в её жизни, радовался успехам и болезненно переживал её неудачи и трудности. К сожалению, мои родители не дожили до рождения Катиного сына, нашего внука – Пети. Но я ничуть не сомневаюсь, что в ином случае весь водопад их любви обрушился бы и на него.

Что касается отношений со мной, то все понятно: я был единственным ребенком у родителей, и они меня, конечно, безмерно любили, хотя не баловали и воспитывали в разумной строгости. В юности я доставил им немало тревог, стремясь утвердить свою самостоятельность. Я отправлялся рабочим в археологические и геологические экспедиции, потом в студенческие годы – в строй-

отряд в Туву и в путешествия на Ямал, Сахалин и Курилы. Не всё обходилось благополучно: полярной зимой я заболел тяжелым воспалением лёгких и долго лежал в больнице маленького оленеводческого посёлка Ярсаля, пока смог отправиться в обратный путь долечиваться в Москве. После таких приключений другие родители заперли бы ребенка дома на три замка, но уже следующим летом я отправился на Дальний Восток. Только когда я сам стал отцом, я понял, чего им всё это стоило и как трудно им было выпускать единственного сына из-под своего крыла, чтобы не мешать его становлению взрослым и самостоятельным мужчиной.

После смерти отца, разбирая его вещи, я нашёл пакет со всеми моими письмами из разных дальних поездок. Он не отличался педантичностью в быту, в его кабинете всегда царил невообразимый творческий беспорядок, и он часто что-то не мог найти. Но мои письма он бережно сохранил, причём, наверное, даже мама не знала о существовании этого пакета. При всей внешней сдержанности отца, его нежность и заботу я чувствовал всю жизнь и каким-то фантомным образом ощущаю и сейчас, хотя прошли годы после того, как его не стало.

Ещё отец доброжелательно и очень демократично относился к моим друзьям и помогал некоторым из них в трудных ситуациях. Особенно он выделял моего друга раннего детства Алёшу Семенова (сына его собственного приятеля Юрия Семёнова и внука двух знаменитых дедов, великих ученых-физиков – Николая Семёнова и Юлия Харитона, которые в свою очередь были старшими товарищами моего отца). Он с большой теплотой относился и к другим моим друзьям и их семьям: Серёже Ознобищеву, Владимиру Дворкину, Валере Бочарникову, Володе Барановскому, Жене Головки. Отец уважал и любил некоторых моих коллег по политической деятельности и работе в Государственной Думе, прежде всего Григория Явлинского и Владимира Лукина.

Кстати, была и обратная связь – многие друзья Георгия Аркадьевича стали моими старшими товарищами. Это такие люди, как Валентин Зорин, Томас Колесниченко, Григорий Морозов, Александр Берков. Все из них, кто к тому моменту были живы, проводили отца в последний путь. А после уже я хоронил их одного за другим, и последним был замечательный человек – Анатолий Черняев, тоже фронтовик и соратник отца на протяжении всей жизни, который ушел в марте 2017 года.

Вкусы и привычки

Георгий Аркадьевич имел на редкость уравновешенный и цельный характер, но при этом, как ни странно, в нём было много парадоксального. Пережив, как многие его ровесники, трудные годы в молодости, он как никто ценил ставшие позднее доступными большие и маленькие радости жизни. Но при этом он всегда оставался простым и совершенно непритворным в быту человеком.

Объехав весь мир (часто вместе с моей мамой) и побывав в самых роскошных дворцах и гостиницах, он больше всего любил отдыхать на своей скромной даче, точнее в маленькой квартирке в писательском кооперативе (сейчас

сказали бы таунхаусе) на Истре. Поплавав в самых экзотических морях, он с наслаждением купался в этой речке, а зимой до пожилого возраста потихоньку ходил вместе со мной по лесу на лыжах. Спортом он никогда особенно не увлекался, но в более молодом возрасте по-любительски играл в волейбол и до самой старости подолгу плавал, даже в холодной воде. Отведав всех вообразимых и изысканных блюд в разных странах, он отдавал предпочтение самой простой домашней еде. Когда речь заходила о диетах, он говорил: "Никто никогда меня не убедит, что мясо с жареной картошкой вредно для здоровья". Он вообще очень любил хорошо поесть, а его редкое добровольное воспоминание о войне – это постоянное чувство голода. Отец обожал застолье с друзьями и родственниками и любил произносить глубокомысленные и длинные тос-ты.

Георгий Аркадьевич был знаком со многими известными людьми своего времени, встречался, а иногда и дружил с государственными лидерами, политиками, деятелями науки и искусства в своей стране и за рубежом. А на поселковом рынке рядом с дачей, куда я возил его покупать продукты, он бывал очень доволен, что его узнавали продавцы. Я тогда смеялся над ним: "Папа, тебя знает почти весь мир, а ты гордишься знакомством с мясником!".

Он был необычайно общительным, простым и дружелюбным человеком в быту, семье и по работе, умел слушать других и в каждом человеке мог найти что-то для себя интересное. И сам был потрясающим рассказчиком, за какую бы тему ни брался. Отец редко повышал на кого-либо голос, обладал острым и молниеносным чувством юмора, был обычно сдержан и спокоен, хотя в узком кругу мог подчас выразиться с использованием "окопного" словаря. Он любил открывать для себя неизведанные впечатления и новую информацию, жизнь ему никогда не надоедала. Он не знал, что такое депрессия, и не бывал в плохом настроении, если для этого не имелось веских причин.

Отец вообще был равнодушным человеком, все происходящее вокруг принимал близко к сердцу, хотя и с философским стоицизмом. Он не раз цитировал польско-русского писателя Бруно Ясенского, известного своим высказыванием: "Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство". Он руководствовался этой мудростью и её тоже оставил мне в наследство.

Георгий Аркадьевич до самого конца живо интересовался всем происходящим внутри и вовне страны и, когда я его навещал, всегда встречал меня вопросом: "Ну, Алёшенька, что делается?" И я начинал ему рассказывать, хотя после инсульта он плохо слышал, и вводить его в курс политических проблем было нелегко. Иногда я не мог скрыть раздражения, за что себя теперь ругаю, ведь он так хотел не отставать от времени, несмотря на тяжёлую болезнь и поневоле замкнутый образ жизни двух последних лет.

Единственное моё утешение в том, что я был рядом в самые последние его минуты, и он, надеюсь, это чувствовал.

* * *

Трудно поставить точку в воспоминаниях о столь близком человеке. Мне часто как наяву слышатся слова, которые он не раз повторял: "Когда уходят родители, всегда чувствуешь свою вину за то, что не уделял им больше времени и внимания, чем-то обидел, что-то важное не сказал или сказал не так". Я тогда думал: "Мне себя будет не в чем винить, я делаю для моих всё что возможно."

Но и в этом отец оказался прав.

The Best Father and the Best Friend

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 7, p. 67-78)

Received: 20.04.2017.

ARBATOV Aleksey Georgyevich – Doctor of Sciences (History), Academician of RAS, Head of the Center of International Securities Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), 23 Profsoyuznaya st., Moscow 117997, Russian Federation.